

Сюй Лай поспешил за императором, намереваясь поддержать его, но Се Цяо высвободил руку и шаг за шагом шёл по снегу, ступая твёрдо.

Оказавшись в кабинете, Се Цяо приказал Сюй Лаю составить указ.

— В Яньгуане одержана великая победа, Чэнь Лин заслужил награду — пожаловать ему тысячу лян золота и титул «Верного и Справедливого Хоу». Чжэн Фэй, как наблюдающий за армией, также заслужил награду — тысячу лян золота. Приказать тем, кто везёт гроб Лу Цзюэ, двигаться медленно и войти в город тайно на второй день после возвращения армии.

Се Цяо произносил эти слова без выражения на лице. Сюй Лай, закончив писать, посмотрел на императора и, увидев пустоту в его глазах, понял, что его сердце разрывается от боли.

Но ничего не поделаешь — Лу Цзюэ погиб, и военная власть перешла в руки Чэнь Лина. Если сейчас начать против него, армия неизбежно придёт в хаос. Се Цяо не боялся, что Чэнь Лин восстанет — солдаты, выученные Лу Цзюэ, были преданы и не подняли бы мятеж, но хаос был бы неизбежен. Яньгуань только что был взят, и армия сейчас не должна терять порядок.

Се Цяо мог только удерживать его, заставляя думать, что он угадал мысли императора, что император подозревает и ненавидит Лу Цзюэ, что император хотел его смерти. Поэтому титул «Верного и Справедливого» был дан именно ему. Поэтому так обошлись с гробом Лу Цзюэ.

Убедившись, что Сюй Лай закончил, Се Цяо продолжил:

— Сейчас они, должно быть, на обратном пути. Пошли кого-нибудь с указом на быстрых конях.

— Слушаюсь.

Сюй Лай взял указ и уже собирался уйти, как Се Цяо добавил:

— Прикажи двору подготовить пир. Когда армия вернётся, я устрою во дворце пиршество в честь героев этой победы, особенно генерала Чэня и наблюдающего Чжэна.

Последние слова он произнёс с особым ударением.

Сюй Лай, обдумав сказанное, мгновенно понял, что замышляет император. Он бросился на колени, умоляя:

— Ваше Величество, вы не можете этого сделать!

Смерть Лу Цзюэ от рук Чэнь Лина и Чжэн Фэя была известна только императору. Они

действовали чисто, и даже если подчинённые Лу Цзюэ подозревали, доказательств у них не было. Более того, это дело касалось самого императора, и его нельзя было расследовать. Чэнь Лин был человеком императора, участвовал в битве и теперь держал военную власть. Чиновники понимали, что он был послан, чтобы разделить славу, и он стал героем.

В такой ситуации, когда армия только вернулась, император собирался отравить героев на пиршестве. Это вызвало бы недовольство как среди чиновников, так и среди народа, породило бы слухи и поставило бы императора в затруднительное положение.

— Ваше Величество, даже если вы хотите отомстить за господина Лу, сейчас не время!

Сюй Лай, стоя на коленях, уговаривал его.

— Сюй Лай, я — владыка Поднебесной. Я знаю, что делаю, знаю, что должен делать, и знаю, что хочу сделать. Иди и передай указ, больше не говори.

Се Цяо холодно приказал и, сложив руки за спиной, отвернулся.

— Слушаюсь.

Сюй Лай, сдавленно ответив, поклонился и вышел из зала.

После ухода Сюй Лая в зале остался только Се Цяо. Он пристально смотрел на висящую на стене картину «Великая Шэнская империя». Картина слегка пожелтела, словно её часто касались.

Это была реликвия его старшего брата. Когда он был маленьким, его брат и Лу Цзюэ показывали ему на этой карте, где находится столица Цзиньлин, где потерянные врагу шесть округов Яньгуань. Они рассказывали ему, сколько ли от Цзиньлина до Яньгуаня, сколько времени займёт путь, какие горы и реки нужно преодолеть. Они объясняли ему обычаи и природу каждого округа Яньгуаня, даже реки и растения.

— Цяо, брат, даже во сне я вижу железных коней и ледяные реки. Я поклялся перед предками, что не верну Яньгуань, не буду достоин быть правителем Великой Шэн и потомком семьи Се. Я готов пролить кровь на поле боя, но верну земли Великой Шэн и верну наш народ!

Его брат, величественный и смелый, полный сил и амбиций, говорил это с блеском в глазах. Се Цяо словно видел в них далёкие битвы и льды.

Се Цяо смотрел на брата, а Лу Цзюэ смотрел на императора. Се Цяо украдкой взглянул на Лу Цзюэ и увидел в его глазах преданность, готовую следовать до смерти, блеск, подобный солнцу на небе.

— Старший брат.

Се Цяо легонько провёл рукой по картине.

— Ты готовился три года, я готовился семь. Десять лет прошло. Твоя мечта, Лу Цзюэ сегодня осуществил.

— Цяо отомстит за Лу Цзюэ. После смерти Чэнь Лина и Чжэн Фэя Цяо издаст покаянный указ, чтобы всё стало ясно.

— Лу Цзюэ — великий герой, чьё имя останется в истории. Он не может умереть безвестно. Что касается Цяо, пусть потомки судят о его делах. Цяо не важно. Когда я спущусь в подземный мир, я приду к тебе и к нему с покаянием, даже если буду обречён на вечные муки, я не пожалею.

...

Седьмой год правления Хуанпин Великой Шэн, декабрь. Армия вернулась домой.

Вся страна ликовала. Когда показались знамёна армии, император лично прошёл три ли от Цзиньлина, чтобы встретить их.

В Цзиньлине царило веселье и смех. Но внимательные люди заметили, что, несмотря на победу в Яньгуане, на лицах солдат была скорбь.

В тот же вечер император устроил пир во дворце, где отравил генерала Чэнь Лина, а наблюдающему Чжэн Фэю даровал три чи белого шёлка.

На следующий день гроб Лу Цзюэ вошёл в город, и император, одетый в траурные одежды, встретил его. Затем он издал покаянный указ, потрясший весь двор и всю страну.

...

Дом Лу был полон траурных плачей, ярко освещённый. Се Цяо увидел гроб Лу Цзюэ перед алтарём.

Сюй Лай очистил зал, и хотя семья Лу ненавидела императора, они подчинились. В зале остались только Се Цяо и тело Лу Цзюэ.

Он лежал там спокойно.

С закрытыми глазами, с серо-белым лицом, с руками, покрытыми обморожениями.

Он был истощён.

Всего за полгода Се Цяо не понимал, как он мог так исхудать. Неудивительно, что одна стрела Чэнь Лина убила его.

В сердце Се Цяо зародилось подозрение, и он подошёл, чтобы снять с него одежду, холодную, как и тело.

Как и ожидалось, тело было покрыто ранами. Стрелы, удары мечей — всё было заживлено, но из-за смерти раны стали сине-чёрными и ужасными.

Той ночью, при свете свечей, он видел его тело. Были раны, но не так много.

Слеза императора упала на тело, но оно не согрелось.

...

Когда Се Цяо вышел, Сюй Лай, стоявший у двери, хотел подойти.

— Ваше Величество!

Сюй Лай шагнул вперёд, чтобы поддержать падающего императора. Император опёрся на него, несколько мгновений тяжело дыша, а затем изо рта хлынула кровь. Лунный свет залил белый двор, и руки Сюй Лая, дрожащие, были полны тёплой крови. Вид императора вызывал у него тревогу и боль, и слеза скатилась по его щеке — это был император, которому он служил более десяти лет...

...

Семнадцатый год Хуанчу. Спустя семь лет после того, как Лу Цзюэ, хоу Динго, взял шесть округов Яньгуань, в стране царили мир и процветание. Император Великой Шэн Се Цяо скончался в столице Цзиньлин. Ему был присвоен посмертный титул Мин, и он стал известен как император Мин. Император Мин, из-за покаяния, не имел наложниц и детей. Вместо этого он усыновил ребёнка из клана, воспитал его как собственного сына и передал ему свои знания, что стало примером для подражания.

Империя осталась, но старые друзья ушли. Реки текут вечно, а герои и императоры превращаются в прах.

Начало зимы первого года Юаньчу. В Цзиньлине трава ещё зелёная, но на севере, в Цзичжоу, уже царит холод и запустение. Небо покрыто тяжёлыми тучами, земля усеяна сухими травами и мёртвыми деревьями. Казалось, вот-вот пойдёт снег.

Зима на севере холодная и сухая. Се Цяо закутался в тонкую одежду, его маленькое лицо и руки покраснели от холода, даже появилась сухая кожа. Ребёнок был слаб, и когда подул холодный ветер, он не смог сдержать чихания.

Это был маленький деревенский двор в Цзичжоу. Уже близился полдень, и из нескольких домов в деревне уже поднимался дым.

Женщина в ватной одежде стояла на пороге комнаты, руки на бёдрах, и, указывая на Се Цяо, громко и резко кричала:

— Сколько уже времени? Ты до сих пор не нарубил дров? Как я буду готовить еду?

Маленький ребёнок, одетый в тонкую одежду, стоял посреди двора, смотрел на неё своими большими чёрными глазами и молчал. Лицо ребёнка было худым, и глаза казались ещё больше. Женщина, глядя в эти глаза, вдруг почувствовала дрожь. Ей показалось, что ребёнок изменился, но она не могла понять, как.

Но как бы он ни изменился, это был всего лишь девятилетний ребёнок. Женщина быстро подошла к нему, схватила его худую руку и швырнула на землю, указывая на него:

— Ты ещё смеешь смотреть на меня? Мы что, должны кормить тебя даром? Ты хочешь жить у нас за наш счёт?

<http://bllate.org/book/15506/1377246>